

Ю_ШУТОВА

ИРУНЯ

ИРИНА

18+

Ю_ШУТОВА

Ируня и Рина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66512682

SelfPub; 2021

Аннотация

Ультракороткий детектив. Привычный любовный треугольник: муж, жена, любовник. Настал момент сыграть на выбывание. Кто лишний в этой троице? Чье звено самое слабое? И кто будет решать: кому выбывать, кому оставаться? Игра началась.

Ю_ШУТОВА

Ируня и Рина

Когда он с порога швырнул подушку на кровать, Ира не спала, сидела, прижавшись спиной к изголовью, обхватив руками поджатые к подбородку колени. Спала ли она вообще этой ночью? В глазах ее плескался страх. Он учуял и хищно оскалился:

– Чтоб вечером дома была. С ним разберусь, потом с тобой. Поняла?

Она быстро кивнула.

Выйдя из спальни, не закрыл дверь, и она услышала, как в ванной зашумела вода – встал под душ. Выскочив из постели, метнулась в гостиную, правой рукой схватила со стола его смартфон, в левой держала свой.

Когда он уходил, Ира по-прежнему сидела в кровати, прижавшись в одеяльном гнезде. Муж собирался неспешно, как всегда по утрам. Эспрессо из дорогой кофеварки – сыпануть две ложечки сахара и капнуть крохотную каплю сливок, бутерброд с хамоном – отрезать один тонкий кусочек батона, сверху два полупрозрачных мясных листика. Отглаженный домработницей костюм – будто не на объект в область собрался, а на прием к губернатору. Будто ничего не случилось. Будто вчера не орал на нее: «Шлюха! И с кем! С моим собственным партнером! Бог не дай, это правда. Я из этого

козла все вытрясу, он все расскажет. Я умею информацию из-под ногтей выколупывать».

Он умел. Его папаша в девяностые строил строительный бизнес, идя по головам и не только, его даже пытались посадить, но адвокаты отмазывали. Сынок был такой же, она знала. Но замуж за него пошла. И с его партнером спала. С самой свадьбы спала. Двойная жизнь возбуждала. Вчера она тоже орала: «Ложь! Ты что не видишь, его подставляют, кто-то метит на его место. Твой партнер спит с твоей женой – лучше не придумаешь!»

В детстве ей очень нравилось ее имя – Ирина – такое странное: кто-то и Рина. Кто? Потом, уже в школе поняла: Ируня – мамина радость, музыкалка, отличница, престижный вуз. И Рина – клей, вылитый в чужой портфель, а нечего орать: «Ирка-дырка», сигарета, выкуренная на балконе в шестом классе, первый секс на дне рождения подружки в девятом, ночные клубы и свадьба с Олегом. Ируня его всегда боялась. А Рина нет. Спать с Волком, обманывать его – круто. А Стасик, ее любовник? Стасик – овца. Так Олег считает, и она тоже. Увалень, похожий на плюшевого мишку. Нет, спец он великолепный, любой проект просчитает на пять лет вперед и дальше, за это его и в партнеры вывели, но по жизни —никто и звать никак.

Около часа Ирина вышла из дома, плечо оттягивала увесистая сумка, в руке зонт – опять накрапывало.

Мужик сидел на скамейке в парке, опустив голову на грудь, словно спал. Лет тридцать пять, может чуть больше. Дорогая замшевая куртка, из-под рукава – циферблат скелетона. Хотелось взять его за плечо, растолкать: «Чего спишь-то? Еще не вечер». Бесполезно. Вот он сидит, а нет его, пустая оболочка, труп. Если отогнуть правую полу расстегнутой куртки, увидишь то, чего там никак не должно быть – рукоять ножа. Простая деревянная рукоять. Она должна торчать из подставки на кухонном столе, а не из тела человека.

Для Эдика Сенцова это первое дело, в убойном отделе он третий день. Майор сказал: «Поди свидетелей поищи. Там вон собак выгуливают, – махнул рукой вправо, – а там детей, – влево.

Кому же бегать, круги нарезать, как не стажеру-лейтенанту.

Олег вернулся в половину восьмого. Поужинал. Потом сложил грязные тарелки в посудомойку. Как всегда, аккуратен. «Спасибо, очень вкусно», – единственная повисшая в густой тишине фраза. Устроился на диване с ноутбуком. Ира ушла в спальню, включила телевизор, но что там происходило не понимала, мозг, лихорадочно крутивший только одну мысль: «Что дальше?» – не воспринимал экранное мельтешение.

В дверь позвонили. Не в домофон, а именно в квартирную

дверь. Ира пошла в прихожую:

– Кто там?

– Откройте. Полиция.

– Мы собирались встретиться в гостинице. Знаете, такие... – она чуть помедлила, опустила глаза, – где номера снимают на пару часов. Мы всегда там встречались. Отель «Джакузи» буквально в ста метрах от офиса, возле парка. Я пришла пораньше, оплатила номер. Ждала его. Эсэмэски посылала: «Где ты?» Я боялась, что... – голос ее пресекся, словно передавленный.

Вытащила из сумочки платок, пальцы дрожали, всхлинула:

– Олег, он угрожал... что разберется с ним и со мной. Я хотела предупредить Стаса. Не успела.

Закрыла лицо ладонями. Потом подняла глаза на Сенцова:

– Я любила его. По-настоящему. Мы никогда бы... Он никогда бы не женился на мне... Да мне и не надо. Мне хватает... Хватало этих встреч. Притронуться к его руке, почувствовать его тело, поправить воротничок рубашки, подарить какую-то мелочь, ручку, зажигалку, чтоб у него было что-то от меня, мое. Мое маленькое ворованное счастье.

Лицо ее было заплаканным, красным, некрасивым, но он не мог отвести от него глаз. Он сразу влюбился в эту женщину. Как только оказался в их квартире: «Ордер на обыск...

Ознакомьтесь... Понятые, обратите внимание, в пакете толстовка и кроссовки... Изымается упаковка из-под снотворного, полупустая... Гражданин Озеров, вы обвиняетесь в убийстве Станислава Лепешинского... Уведите».

Это не заняло много времени. Она сидела неподвижно в спальне на краю кровати, уронив руки на колени. Отвечала бесцветным голосом на вопросы. Глаза ее тоже оставались неподвижными. С расширенными зрачками, как две черные дыры. Они затянули в себя Эдика Сенцова, поглотили его.

Разобрались с делом быстро. Еще там в парке нашлись свидетели, что видели, как двое мужчин сели на скамейку со стаканчиками кофе, а потом один, в черном худи с поднятым капюшоном, приметном таком, с волком во всю спину, ушел, а второй остался. И стаканчик из-под кофе нашелся – в урне у самого выхода из парка. На нем слюна и пальчики убитого, следы снотворного. Усыпил и заколол. У скамейки отпечатки подошв, они совпали с кроссовками, найденными в пакете под диванчиком в прихожей. Грязь на них из парка. Убийца не успел избавиться, возможно собирался сунуть и кроссовки, и худи в стиральную машину. Не рассчитывал, что за ним придут так сразу. Алиби у него не было. Уезжал в область на объект – там его видели, вернулся в город около половины второго, пообедал в кафе, официантка подтвердила. Поставил машину в тихом переулке недалеко от офиса и уснул. Ночью со сном беда, вот и спит после обеда ровно час. Отключает телефон, чтоб не беспокоили. Многолетняя при-

вычка. Потом поехал в офис. Потом домой. В офисе Озеров оказался в три двадцать. А Станислав Лепешинский убит с двух до трех часов.

И вот эта женщина, Ирина Озерова, сидела перед ним в кабинете, он пригласил ее, чтобы еще раз допросить, как свидетеля. Нет, на самом деле, допрос был не нужен, все уже сказано и записано, он просто хотел ее увидеть.

– А теперь он, – Сенцов понимал, она говорит о муже, – разберется со мной.

– Ирина, вы не должны бояться. Его осудят. То, что он не признает своей вины, ничего не значит. Улики неопровержимы. Это двенадцать лет, может больше. Даже если удо...

«Дай ему утешить себя, – сказала Рина, – будешь в курсе расследования. Страшно, Ируня? Волчара дотянется даже из тюрьмы. Не спишь по ночам. В зеркале ведьма с провалившимися глазами. Стасика жалеешь. Он бы все равно убил его. Стасика было не спасти. Зато ты жива. Я жива».

Той ночью Рина думала быстро. Составила голосовое сообщение из отрывков тех, что Олег присылал ей: «Мне рассказали... поговорим об этом... сегодня... ты знаешь, где», – вполне связный текст. Записала и, пока Олег был в душе, отправила с его смартфона Стасику на голосовую почту. И тут же сунула того в черный список – не перезвонит. В «Джакузи» она оплатила номер на втором этаже и поднялась туда. Набрала несколько эсмэсок Стасу, выставив отсроченную

отправку.

Переделалась. Но прежде надела на руки трикотажные перчатки. Свой спортивный костюм, поверх худи Олега и его брюки. Носки свои, сверху мужнины, вытасченные из корзины с грязным бельем. Чтобы ее кожа не контактила с его шмотками. Кроссовки, капюшон, темные очки, медицинская маска. В зеркале не было ничего от нее, это был Олег. Хорошо, что они одного роста. Он всегда комплексовал, не давал ей ходить на каблуках. Роста одного, но он шире и тяжелее на десять кэгэ. Две пятикилограммовые гантели замотаны в гостиничное полотенце и сунуты в рюкзак. Теперь даже глубина следов не выдаст ее. Да, она хорошо подготовилась.

В конце коридора второго этажа гостинички – пожарная лестница, она не запирается, там можно курить. Оставила мобильник в номере и вниз, на улицу в сторону офиса Олевой компании.

– Стас! – окликнула, когда тот подошел к машине – на обед отъехать, столовка внутри офисного центра была паршивая. Не узнал. Потом рассмеялся:

– Ира? Что за игры?

Огорошила:

– Он все знает.

Повела в сторону парка:

– Давай обсудим, как быть.

Возле «Кофеварки»:

– Возьми мне кофе.

Сама осталась на улице, присела за крайний столик. Стас вынес себе капучино, ей эспрессо. Как всегда. Разболтал в своем бумажном стаканчике три пакетика сахара.

–А вода?

Он опять ушел внутрь крохотной забегаловки. И тогда она сыпанула в капучино горсть гранул грандима, снотворного, что где-то доставал Олег, без него не засыпал. Вкуса у него почти нет, в сладко-молочном пойле не определить.

Когда Стас заснул на скамейке, она втащила из рюкзака прихваченный из дома нож, тот самый, которым муж утром резал батон, и... Вот что было страшно – хруст, с которым лезвие входило в тело. Оглушительный, он пронзил ее до самой середины мозга. И там взорвался ослепительной белой вспышкой. Она даже глаза зажмурила.

С того дня этот хруст снится ей. Она резко просыпается, слушает, как бухает в уши испуганное сердце, встает, пьет воду из-под крана на кухне.

– Ируня, что? – спрашивает сквозь сон Эдик. – Опять кошмар? Бедная моя...

«Ничего, – шепчет у нее в голове Рина, – когда Волк выйдет на волю, я буду готова».